

В. РУТЛЭСС

Последний человек во Вселенной



В. Рутлэсс
Последний человек
во Вселенной

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70062994
SelfPub; 2023*

Аннотация

Алан Нельсон – единственный оператор на одной из восьми Станций, расположенных за пределами Солнечной системы. Его задача – принимать сигналы с Земли и отправлять их в колонии, и наоборот. Он обречен на вечное одиночество, лишь редкие диспуты с бортовым компьютером по имени Кентавр и созерцание далеких галактик скрашивают его безрадостные будни. Так проходят годы, ровно до тех пор, пока галактики не начали исчезать. Грядет Конец, и совсем скоро Алан останется последним человеком во Вселенной. Что это? Благословение или проклятье? Как не сойти с ума и успеть сделать что-то действительно важное? Что-то такое, о чем в агонии забыла целая цивилизация...

Содержание

Последний человек во Вселенной	4
Конец ознакомительного фрагмента.	49

В. Рутлэсс

Последний человек во Вселенной

Последний человек во Вселенной

*You must go on
Into a sea of stars
Dying to be reborn
An ocean of endless mirrors
The light that never dissolves
Waves of eather
Collapse beneath us
To call me to the void
We're out of time
So leave this world behind
And brace for impact
I let go of your hand...*

Heike Langhans

Я – Алан Нельсон, единственный обитатель и оператор, но теперь уже в прошлом, станции, расположенной в отдаленном от Солнечной системы войде. От меня до нее больше двух миллиардов световых лет, до ближайшей звезды чуть ближе – немногим более одного миллиарда.

Мой рассказ адресован самому себе, потому что едва ли у

этой истории появятся когда-нибудь слушатели или читатели, кроме меня. Сама история, впрочем, как и вся моя жизнь, и не только моя, но и всего человечества, является полной бессмыслицей, и это мне не кажется, я в этом полностью уверен.

И теперь оставшееся время – годы, месяцы, дни или даже часы – исключительно для меня одного. Если учесть то, что случилось, возможно, и мог бы быть какой-то смысл в продолжении моей жизни, а точнее в ее окончании, но я не могу найти его и в этом. Я стараюсь его отыскать – в своих ощущениях, чувствах, но тщетно. Никакого смысла. Но ведь когда-то он был? Я в полной тишине. Она даже не звенит. Тогда зачем я рассказываю себе свою же историю? О чем она? Чего в этом больше – автоматизма обученного человеческого индивида, который отмечает то, что видит и чувствует, ответственного ученого, считающего себя обязанным зафиксировать все происходящее вокруг него? Или это желание другого свойства и другого порядка – постановка диагноза, по которому болезнь неизлечима и ее исход был predetermined? Если второе, то рассказанная самому же себе история – это приговор эксперименту под названием «Человеческая цивилизация», автор которого мне неизвестен. Моя сознательная, я бы добавил, и созидательная жизнь прошла в космосе. Я прожил на станции пять долгих лет, я чувствую, что уже какое-то время назад стал с ней единым целым. Станция мне и дом, и лаборатория. Как замена того, что я оставил

когда-то, – здесь есть все, чтобы забыть покинутую планету, где я появился на свет.

Внешне конструкция станции как будто бы проста, если не брать во внимание ее внутреннее содержание. Она состоит из трех цилиндров, один из которых является центральным. Он неподвижен. Этот цилиндр служит стволом, перпендикулярно к которому расположены два других, они вращаются синхронно, но в разные стороны относительно друг друга для создания искусственной гравитации в жилых отсеках. Разнонаправленное вращение цилиндров организовано для того, чтобы у станции не было импульса, способного нарушить ее неподвижное положение в пространстве. Обеспечение устойчивости и неподвижности – такова главная задача подобной конструкции. Эти два вращающихся цилиндра я называю ветвями. Сравнение моей станции с деревом было бы наиболее подходящим, хотя она, в действительности, мало чем напоминает растение.

Я мог бы рассказать о многих оригинальных особенностях конструкции станции, основанной на таких же идеях, воплощенных в узлы и агрегаты. Но кому это будет интересно? По крайней мере, точно не мне. А вот историю своего пребывания здесь я расскажу. Я изложу ее и в текстовом, и в звуковом вариантах.



Открытие эффекта подпространственного перехода было еще одной научно-технической революцией, подобно всем предыдущим, – вещали нам профессора со своих кафедр, причем разных дисциплин, совершенно не связанных между собой. Но это так думали мы. На самом деле все оказалось не так разрозненно и хаотично, как виделось нам во время учебы. Эффект практически мгновенного перехода из одной точки пространства в другую, отдаленную на сколь угодно большое расстояние, ломал все представления о времени, объединив вокруг себя самые разные науки.

Переход предопределил развитие технических средств всех областей науки, дал толчок к поиску новых возможностей для освоения Вселенной. Необходимость развития технологий была обусловлена именно подпространственным переходом. Был ли он открыт вследствие ряда совпадений? Случайность всегда лежит в основе очередного скачка в науке, такое не раз происходило в истории человечества. Случай как возможность преодоления того, что изжило себя, как рывок, чтобы сделать шаг вперед, подняться на новую ступень цивилизации и с жадностью, свойственной человеческому разуму, продолжить познавать неизвестное. Отличие этого открытия – в его масштабности и уникальности. Оно на многие порядки превосходило все другие научные откры-

тия земной науки. Ранее человечество даже не смело рассчитывать на перемещения в пространстве на такие расстояния – только мечтать.

Все эти нудные цитаты из научных трудов по астрофизике я знал наизусть. Были изданы сотни работ, написаны тысячи ученых докладов, восторженных отзывов и воззваний на тему скорого выхода за пределы родной галактики, обращенных ко всем правительствам. Все эти воззвания и труды легли в основу срочно выработанной доктрины колонизации Вселенной. Желających покинуть Землю набралось так много, что у директората доктрины был широчайший выбор кандидатов.

С целью выяснить все-таки, как произошла Вселенная, или несколько Вселенных, или одна Мегавселенная – вот уж поистине неисчерпаемая тема для астрофилософов, было построено несколько коллайдеров в разных местах планеты. Постепенно данные их испытаний стали обычной статистикой не только для всей ученой братии, но даже и для рядовых граждан, никогда не интересовавшихся наукой. Общий принцип работы коллайдеров знали все. Биржевые сводки, прогноз погоды для морских круизов и переходов для моряков и путешественников, очередные новости недели – все эти информационные потоки сливались вместе с данными о результатах работы коллайдеров.

Но однажды произошло нечто, что заставило весь ученый мир замереть в трепетном ожидании чего-то невидан-

ного, и это нечто не осталось незамеченным. Читатели таблоидов затаили дыхание, инфопоток вдруг резко сменил тональность. Первыми насторожились ученые, непосредственно вовлеченные в процесс получения от коллайдеров новых знаний о космосе, когда пучок элементарных частиц, разогнанный до определенной скорости в конкретно заданных условиях, как обычно должен был ударить в другой набор частиц, движущихся навстречу, но этого не случилось. Опыт повторялся много раз, и каждый раз все ждали, что такое соударение приведет к образованию каких-то ранее не изученных частиц. Синхронизация опыта на всех коллайдерах предполагала, что, возможно, хотя бы на одном из них будет получено новое знание о том, что собой представляет Вселенная. Но никто не ожидал того, как это произойдет в тот исторический день.

Причина сбоя на одном из коллайдеров при очередном испытании обывателя оставила бы равнодушным, но только не ученого. И особенно интересен побочный эффект, который иногда присутствует в результатах любого эксперимента: при множественном опытном повторении воздействия одних частиц на другие он проявился самым неожиданным образом. На первый взгляд такой результат не являлся совсем необычным и выходящим из ряда всех остальных, но поставил ученых в тупик – разогнанные частицы до места столкновения не добрались. Периодические неудачи в испытаниях на коллайдерах – обычное дело. Неточные исходные

данные, ошибки в расчетах, наконец, простые неисправности могут завести изначальный эксперимент в такие научные дебри, выход из которых можно уже никогда не найти.

Но такова наука, в ней так принято – неудачи подстегивают, и потому они не могли остановить испытания. И потом, логический закон сопутствующих изменений никто не отменял. Он гласит: даже самый неудачный опыт должен быть повторен, что и было сделано при аналогичных начальных условиях. Но даже и тогда, когда повторный опыт привел к такому же результату, никто из ученых не заподозрил, что на горизонте цивилизационного развития замаячило великое научное открытие. Читая монографии, написанные учеными мужами о том, как все начиналось, я сквозь строки чувствовал весь процесс, я как будто сам участвовал в нем, настолько ярко авторы научных трудов описывали то, чему были первооткрывателями. Еще бы, стоять у истоков перехода! Я завидовал им.

Третий опыт решили провести при измененных заданных параметрах: в финальной части на пути разогнанного пучка частиц ждал набор не частиц-целей, а специального оборудования для фиксации характеристик пролетающих мимо частиц.

Их отсутствие в том месте, где они должны были пролететь, основательно озадачило ученый мир: экспериментальные объекты исчезли по пути к искомой цели. Слушая лекции по космологии, мы наперебой засыпали профессора во-

просами: почему переставали фиксироваться частицы в коллайдере, не было ли ошибок в расчетах?

И даже через несколько лет после открытия перехода тема перемещения через пространство, из одного места пространства в другое, все еще была в числе самых передовых научных достижений, ее новизна будоражила своей необычайной революционной простотой каждый новый набор адептов космоса. Если ученые мужи все еще не могли осознать и поверить, что человек победил его величество Время, то что говорить о нас, молодых слушателях Высших курсов по изучению подпространственного перехода. Нам не терпелось узнать, как развивались события дальше, а развивались они стремительно благодаря простой случайности, а точнее – внимательности экспериментаторов.

С легкой улыбкой я вспоминаю свой первый восторг от того, насколько просто были выявлены закономерности. Любому исследователю ясно: чтобы выявить устойчивость изменений, необходимо проводить опыт каждый раз с новыми вводными. Фиксирующее оборудование стали перемещать все ближе и ближе к месту старта частиц.

Когда было установлено, что частицы исчезают примерно через пять метров после перемещения по стволу коллайдера, встал вопрос: это закономерность или снова случайность? Попытки изменять даже на небольшие величины характеристики разгона частиц приводили только к отмене эффекта исчезновения частиц. А возврат на исходные позиции

– повторение точных условий первоначального эксперимента – тут же приводил к возврату этого эффекта. Разгоняемые частицы не обнаруживались ни в каком другом месте канала коллайдера.

Именно тогда и возникла гипотеза: частицы не исчезают, а перемещаются куда-то за пределы пространства коллайдера.

В том первоначальном, пионерском эксперименте необходимо было установить место, куда перемещаются экспериментальные частицы. Попытки размещать улавливающее оборудование в разных местах и даже за пределами коллайдера ни к чему не привели.

И снова был проведен эксперимент, другой – по перемещению в это неизвестное место уже макрочастиц, совсем небольших, размером с обычную песчинку. Разумеется, условия должны были быть аналогичными предыдущим, но для этого потребовалось совершенно другое оборудование, другие энергии и мощности.

Новый опыт привел к такому же результату – частица алмазной пыли исчезла из рабочего пространства макроколлайдера.

Размеры и типы экспериментальных объектов менялись постоянно, были задействованы и биологические экземпляры. Не менялся только результат – все исчезало в неизвестном направлении. Хотя даже визуально фиксировался сам момент исчезновения, но ни один прибор не мог зафиксировать, куда именно пропадало содержимое коллайдера.

Любое увеличение массы и размеров макрообъектов вело к значительному увеличению расхода энергии. Ставки в этой научной гонке все возрастали, возникла необходимость подключать к подобным опытам все большее количество ученых. Отчеты об исчезающих частицах читались нами как увлекательный фантастический роман. На лекциях по открытию перехода я примерял на себя роль ассистента, много раз запускавшего один и тот же эксперимент. Я представлял себя искателем истины, приключений и просто игроком в какой-то непонятной игре, в которой была скрыта тайна. Я сожалел, что опоздал родиться. Появись на свет лет на сто раньше, я обязательно был бы возле коллайдера, и неважно кем – специалистом, помощником-ассистентом, уборщиком помещений, простым подавальщиком инструмента, да хоть бы и дежурным на кнопке «вкл-выкл».

Наконец в качестве объекта перемещения стали запускать крошечные приборы, способные передавать мощные радиосигналы на большие расстояния. Результат оставался неизменным – ни один из приборов не выходил на связь после исчезновения, и ученые почти отчаялись понять природу этого феномена. Предположили, что либо любые механизмы в ходе исчезновения разрушаются, либо они перемещаются на такое расстояние, с которого сигнал от этого передающего устройства уже не мог добраться до экспериментаторов. Был еще и третий вариант, совсем фантастический – перемещаемые объекты попадают в иное измерение или иные вселен-

ные.

Когда встал вопрос о прекращении подобных экспериментов в массовом масштабе, на выручку во второй и решающий раз пришел случай.

Находившаяся на орбите Юпитера автоматическая станция, побочной миссией которой являлось исследование реликтового фона Вселенной, внезапно зафиксировала странный сигнал из района орбиты Ганимеда.

Группа ученых, работавшая над расшифровкой и интерпретацией сигналов юпитерианской станции, решила опубликовать этот сигнал в открытом доступе, который и дошел спустя недолгое время до группы, занимавшейся перемещением объектов в коллайдере, – было идентифицировано передающее устройство, ранее запущенное в коллайдере. И оно переместилось с Земли на орбиту Ганимеда!

Все остальное было уже делом постанковки целого ряда типовых экспериментов, после чего удалось рассчитать необходимые параметры и энергии, которые приводят к перемещению различных объектов на заранее рассчитанные расстояния и направления.

Наука долгое время не имела четкого представления относительно механизма этого феномена, что только лишь рождало многочисленные теории. Основная, казалось бы, лежала на поверхности и пыталась объяснить вновь открытое явление с точки зрения квантовой запутанности частиц. Однако такая теория предполагала бы, что оригинал отправляе-

мого объекта аннигилируется, а в другом месте Вселенной появлялась бы лишь его копия, что никак не объясняло, каким образом воспроизводились простые биологические объекты и даже животные, опыты с которыми уже удачно проводились.

Сейчас уже понятно, что человечеству так и не удастся раскрыть секрет феномена, приведившего в действие столь грандиозный способ перемещения на любые расстояния в пространстве. Случайным или закономерным было это открытие, теперь никого не интересует. Готово ли было к нему человечество? В любом случае оно стало новым витком цивилизационного развития и послужило разработке новой идеологии, получившей название Доктрины по расселению во Вселенной.

По космическим меркам мы почти не успели воспользоваться этим подарком, только начали осваивать планеты из других звездных систем и даже галактик, когда пришел конец всему.

Теперь меня до последних минут будет мучить вопрос: а не был ли вызван грандиозный финал манипуляциями со столь же грандиозным открытием, подаренным человеку? Подаренным кем? Случаем, опытом, Богом? Пожалуй, Богом, который наигрался созданной им Вселенной и решил смять ее и выбросить, как это делают дети с наскучившими пластилиновыми фигурками, вместе с человечеством – ничтожно малой частью Вселенной.

И на этот вопрос мы никогда не узнаем ответа.

* * *

Перед отбытием на станцию на прощание мне уже совсем нечего сказать Земле и ее обитателям.

Сейчас одиннадцать ноль-ноль по Гринвичу. В столице моей родины на два часа больше. Много ли произошло там перемен с тех пор, как я покинул нашу планету? Вопрос без ответа за ненадобностью последнего. Я, возможно, даже смог бы получить сколько-нибудь исчерпывающий ответ вопреки уставу, если бы у меня была тяга к изучению этой информации. Люди, родные и незнакомые, их лица и имена, дома, дороги, города, страны, в которых я никогда не был, – все это для меня лишь слова. Слова из головы или слова, высвечивающиеся на цифровом дисплее приборной панели, двоичный код, пиксели и электричество. Все, что когда-то было создано великим трудом живых людей из неживого материала, так неживым и осталось, хоть и сохранило где-то внутри тепло живого прикосновения.

На носителях информации моей станции, приготовленной к обеспечению жизнедеятельности ее экипажа, состоящего из одного оператора, и в рамках обязательной программы поддержания психологического здоровья и эмоционального фона, содержится классика всех видов человеческого искусства: фильмы, книги и музыкальные произведения, на-

писанные людьми, чьи тела уже давно растворились в чреве Земли. Также прилагалась «классика» научного мира – труды Эйнштейна, Бора, Гаусса и других светил своего времени. Мне это казалось несусветной глупостью – доставлять сюда знания, по многим моментам дополненные, а в некоторых местах даже опровергнутые, хоть и неоспоримо основополагающие. Из личных вещей при мне была пара моих любимых раритетных бумажных книг.

– Поздравляю. Вы в числе кандидатов на должность оператора станции. Можете ознакомиться с результатами тестирования. Если, конечно, вас это интересует.

Я взял протянутый мне лист бумаги, пробежал глазами по всем пунктам и особо обратил внимание на два. Результаты были заштрихованы. Я поднял удивленный взгляд на членов комиссии.

– Директорат считает, что, несмотря на то, что эти пункты несущественны, мы не согласны с оценкой. Но вообще-то результаты директорат принимает без каких-либо разъяснений. Итак, вы отправляетесь на станцию Z-3. И подумайте, что бы вы хотели взять с собой. Впрочем, это обсудите в отделе по космическим коммуникациям...

– Нельсон, неужели ты не хочешь взять что-нибудь еще? – говорил начальник нашего отдела по космическим коммуникациям, держа мой крохотный список, расположившийся на слишком крупном для него блокнотном листе, перед глазами. – Знаешь, там, куда ты отправляешься, интересного

крайне мало! Я бы даже сказал, там антиинтересно! Подумай еще раз хорошенько. Может, еще какой-то блок развлекательных программ?

– Нет.

– Томик чего-нибудь в старом, бумажном формате?

– Это уже есть.

– Я говорю про что-нибудь художественное.

– Нет.

– Фильм, сериал, альбом? Можем записать для тебя, а то там одна сплошная скука.

– Нет.

Он выглядел забавно: сидел немного по-детски, подперев щеку рукой, также продолжая упрямо смотреть в мой список вместо меня. Кажется, ему уже и самому надоела эта неловкая ситуация, но он упорно продолжал развивать акт, как ему казалось, человеколюбия.

– Фотографию матери? – наконец выдал он. – Понимаю, ты, наверное, и без меня решил бы ее взять, но при расчете параметров подпространственного перехода учитывается каждый миллиграмм, ты это, наверное, тоже знаешь...

Я молча взял у него список, а также ближайшую ко мне со стола ручку и положил оба предмета перед ним.

– Подпишите мне перечень, и я удалюсь.

Действительно, подпространственный переход осуществлялся по принципу перемещения частиц в магнитном поле и являл собой крайне энерго- и финансово затратный спо-

соб перемещения людей и техники на большие расстояния, а также был еще и малоизученным. Для создания магнитного поля, мощность которого позволила бы переместить большие по своей массе тела, скажем, приличную по составу группу колонистов и сопутствующую им технику и провизию, в другую галактику, требовались исключительные по своей точности расчеты. Но и они не могли гарантировать полноценный переход всех тел из нашей галактики в другую без погрешностей. Поэтому путешествия исследователей до соседних звездных систем все еще осуществлялись посредством космических кораблей, что было ненамного дешевле подпространственного перехода, но зато более надежным. Иного же способа перемещения на станцию, располагающуюся в столь отдаленном от Земли месте, кроме как открытым подпространственным переходом, попросту не было. Именно поэтому каждый предмет, каждый грамм массы, который планировал взять с собой оператор станции, утверждался и рассчитывался целой командой профессионалов и согласовывался задолго до самой отправки.

Первые месяцы на станции мне было совсем не до развлечений. Одно дело теория об устройстве всех механизмов и узлов станции, которую мы изучали на Земле, и совсем другое дело практика. Мне было очень интересно своими руками пощупать множество ультрасовременных устройств станции, о доступе к которым для обычных людей на Земле не могло быть и речи.

С энтузиазмом новичка я приступил к знакомству со станцией. Я делал это в ходе повседневных дел, выполняя обязанности, которые мне были предписаны. Их однообразие не вызывало во мне скуку, наоборот, мне казалось, что вот оно, мое предназначение, которого я ждал, начиная со дня поступления на Высшие курсы. Там, на Земле, я не отличался коммуникабельностью, но как раз именно такое качество и явилось одним из решающих в отборе. Это я понял из результатов проверочного теста.

Контроль над уровнем сигнала, осмотр вентиляционных систем, заряда батарей. Проверка модулей жизнеобеспечения. На это уходило почти все мое время, и так проходили дни, недели, месяцы. Я старался не допускать перекоса между работой и отдыхом, поскольку, как меня предупредили, в случае нарушения этой пропорции может наступить психологическое выгорание. Именно так произошло с некоторыми моими предшественниками. Но рутина не напрягала меня. Энтузиазм, который я неожиданно обнаружил в себе, подогревал меня, не давал поводов для падения интереса к работе на станции. Я научился соблюдать режим работы и отдыха, регулировать свой сон и время, которое я тратил на досуг.

Отдых мой представлял собой в основном сочетание двух активных действий – общение с бортовым компьютером и одиночные занятия. Последнее было особенно важным, тем более что меня специально предупредили об этом. Одино-

чество есть особое состояние не только духа и психики, но и тела, которое с трудом переносит отсутствие всякого рода контактов, например, тактильных. Почувствовать в своей руке другую руку – потребность не менее важная и необходимая для человеческого организма, чем любой другой обмен – словами, взглядом, идеями. Именно такие предупреждения, больше похожие на предостережения, я получил перед отправкой, но никакого прока в них не было. Ничего из перечисленного я исправить не мог. Мне оставалось это только принять. И если пищу для глаз я получал, вглядываясь в иллюминатор, изучая все, что попадалось мне в зоне видимости, то для слуха или кожи я такой подпитки не находил. Воздух, композитные материалы внутренней отделки помещений станции – все это было безжизненным и холодным и на ощупь никак не могло мне помочь обрести ощущение общности со станцией. Я изо всех сил старался почувствовать себя частью этой технической громады, слиться с ней, стать единым целым, коль мне суждено прожить здесь всю оставшуюся жизнь.

Так проходили недели, месяцы, годы. Я не научился обыгрывать бортовой компьютер в шахматы, зато овладел многими музыкальными инструментами. На Земле все такие пристрастия я считал чудачеством, отнимающим время на усвоение учебных программ.

Я часто спрашивал себя: нет ли тут какого-то подвоха, а именно в желании слиться со станцией, чтобы уйти от оди-

ночества? И отмечал про себя, что, как бы ни пытался действовать в унисон со станцией, я все равно остаюсь живым организмом со всеми присущими ему особенностями, которые отличали меня от неживой конструкции, и что я никогда не стану полностью еще одной технической функцией этого космического агрегата. А стало быть, с одиночеством мне необходимо научиться справляться каким-то другим способом либо просто подружиться с ним.

Первое время я пребывал в эйфории от того, что оказался в числе тех немногих, которым выпала честь стать операторами. Этот проект существовал уже более семидесяти лет, но операторы все еще были первооткрывателями, по крайней мере, такое мнение сложилось о них. Однажды один известный новостной ресурс назвал операторов первопроходцами новой мегаэры. Мне нравилось такое сравнение. Вряд ли до этого во Вселенной могли происходить столь грандиозные по своим целям и значению события. Колонизация, продолжение жизни в самых отдаленных войдах – воистину грандиозная задача. И не только в переносном, но и в прямом смысле задача вселенского масштаба.

Многие из нас дорого бы заплатили за то, чтобы заглянуть за пределы видимого, пронзить бесконечную тьму и увидеть, что же там – в других звездных скоплениях. Узнать, есть ли там другая жизнь и, если есть, то какая именно.

Словом, первому восторгу не было конца. Меня не пугала монотонность рабочих будней, ежедневная и однооб-

разная проверка технического состояния станционных модулей. Тем более что рабочие будни чередовались с интеллектуальными диспутами и дискуссиями с искусственным интеллектом, которые стали постепенно приобретать характер идеологического спора, временами переходящего в противостояние.

Я не собирался вступать с ним в какое-либо противоборство. Мне ничего не стоило отключить в его программе функцию противодействия оператору. Достаточно было внести пару изменений в его долговременную память, два-три хирургических вмешательства, и я бы навсегда отучил его выражать свое несогласие со мной. Правда, тогда мой визави превратился бы в мерина, основной задачей которого осталось бы только напоминать мне об очередном начале рабочего дня и подсказывать, если я что-то забыл выполнить. Я сказал себе: «Если так задумано создателями этого интеллекта, значит, это должно помочь в конечном итоге мне самому, обеспечить, так сказать, мою же безопасность». Эта инструкция по взаимодействию с бортовым компьютером — одна из основных, которую я обязан был знать и следовать ей. Но у меня вызывали интерес аналитические способности моего новоиспеченного друга. А еще я нуждался в оппоненте. Эту роль на Земле играл Бэл.

— Алан, ведь ты знаешь, что тебя ждет?

— Бэл?

— Ты уверен, что сможешь выдержать это?

– Я не знаю этого, Бэл.

– Тогда что ты хочешь увидеть там?

– Я хочу познать себя.

– Не вижу никакой логики в том, что познать себя можно только там, откуда нет возврата. Тебе не с кем будет себя сравнить.

– Я буду сравнивать себя с самим собой. С тем, который когда-то жил на Земле. Разве не в этом смысл познания самого себя?

Бэл вместе со мной записался в отряд кандидатов для отправки на станцию, но оператором так и не стал.

Поначалу выход за пределы станции – впоследствии такие выходы стали рутинными, для регулярных осмотров целостности основного корпуса и вынесенных за его пределы генераторов – представлял для меня целое приключение. Первое время я усиленно штудировал инструкции для поиска в них все новых поводов, чтобы снова и снова выйти в открытый космос, и эти поводы всегда находились. Я чувствовал себя первооткрывателем этого отдаленного войда, в котором был обречен закончить свои дни. Только на станции утихла моя грусть, когда я жалел, что не успел поучаствовать в открытии подпространственного перехода. Здесь оказалось столько неведомого мне прежде, столько тайн, что я потихоньку стал забывать о своей несбывшейся мечте из прошлого. Подобные области Вселенной были настолько малоизученными, что по этой части с войдами могли конкурировать только

черные дыры. Размещение в войдах ретрансляционных станций подобной моей и их функционирование уже на протяжении более чем семидесяти земных лет не сильно изменили расстановку сил в этом плане, так как у операторов станций в распоряжении было не так много инструментов для исследований окружающего пространства.

Однако со временем эффект новизны стал сглаживаться и спустя еще какое-то время сошел на нет. Соотношение времени нахождения внутри станции ко времени, когда я находился вне ее, неуклонно увеличивалось в сторону первого. И тогда в моей голове начал формироваться список тех вещей, которые бы я с большим удовольствием хотел иметь сейчас здесь и которые я вполне мог бы взять с собой на станцию сразу в день отбытия, но попросить о которых не позволила мне неуместная ситуации гордыня.

Несведущий человек мог бы подумать, что мне в любое время доступна возможность заказать нужную вещь с учетом того, что периодически с Земли на станцию направлялись запасные части, продукты, вода и другое, однако на самом деле все было не так просто. Например, в случае форс-мажора, если вдруг выйдет из строя какой-то важный агрегат, время службы которого закончилось гораздо раньше расчетного, я обязан был внести заказ на него в файл телеметрии станции. Заказ добавлялся к пакету, направляемому на Землю колонией. Однако это не значило, что я мог отправлять на Землю произвольные заказы, хотя и порицаний за это не преду-

смаатривалось. Это было частью той суровой действительности, на которую обрекал себя каждый оператор станции. Об этом кандидат уведомлялся заранее. С учетом экономии на каждом грамме отправляемой на станцию земной посылки, просьбы об отправке дополнений ставили бы в большое этическое затруднение руководство проекта.

Нет, само собой, программа экономии была изначально заложена в бортовой компьютер станции, одной из главных функций которого был контроль расходования энергии. Экономия как условие работоспособности станции и выполнения основной задачи – прием пакетов информации от внеземных колоний, отправка их на Землю и то же самое в обратном направлении. Как принцип, как алгоритм выживания. И я с полным пониманием отношусь к такому алгоритму. Но все же я оставался тем, кто появился на свет из человеческой утробы, кто впитал все материнские скрипты и родительские установки. Я все еще помню свои страхи – детские, подростковые. Я помню, когда я был зол, добр, смешон или на высоте. Наконец, хорошо помню, когда я был счастлив. Я лишь не помню те физические состояния, которые испытывал при этом, но ужасно хотел бы испытать заново. Наверное, я стал уставать от одиночества, я переоценил свою стойкость. И от отсутствия какого-либо общения я начал замерзать. Внутри меня появился холод, и температура внутри станции не являлась тому причиной. Это был холод неживой конструкции, абсолютное равнодушие к моим

переживаниям и чувствам. Безусловно, станция не была совершенно бескровным механизмом. Вот только кровь станции, эти электрические импульсы согреть мой внутренний мир никак не могли. И моя собственная кровь тоже, она всего лишь поддерживала оптимальную температуру тела. Мне нужна была другая кровь – эмоции, физические состояния, судороги тела, наконец. И все для того, чтобы снова почувствовать себя живым и теплокровным. На станции не было раздражителей, которые могли бы согреть меня. Да, именно согреть. Я говорю о тех раздражителях, что всегда исходят от себе подобных, – словах, настроении, действиях.

Сразу при поступлении на Высшие курсы по изучению доктрины нам было разъяснено, что с первого дня под контролем не только наша учеба, поведение и отношения, но и наши эмоции, чувства и даже память. Нам было сказано, что отныне все будет фиксироваться. Это означало, что, как только мы будем входить в зону, контролируемую директоратом, будут запоминаться все наши эмоции, и все чувства, и состояния тела. Это необходимо для того, чтобы при тестировании возможностей, при выборе дальнейшего жизненного пути не было никаких случайностей или неясности. Нам объявили об этом со всей беспощадной прямоотой. Нам предсказывали, что некоторые из нас станут астронавтами, космическими изолянтами или, например, решатся послужить науке. Если по поводу первых нам было более-менее понятно, то насчет того, как и чем послужить, звучало двусмыс-

ленно и потому жутковато. Если бы это сформулировали несколько иначе, в привычном смысле – посвятить себя науке, то тут никаких вопросов. Но при всей жутковатости звучания «послужить», мы все же это приняли. Мы готовились и «посвятить», и «послужить». Но сейчас я вспоминаю это с другой стороны – я бы с удовольствием заново пережил это состояние. То самое, когда мы слышали насчет «послужить». Зачем мне это? Потому что это и есть моя жизнь, пусть и в прошедшем времени, частью забытая и в чем-то сохраненная в памяти, я бы окунулся в нее еще раз, подпитавшись очень родным и уютным, тем, что психологи всегда называют внутренним комфортом. Мне мало материальных носителей информации – культурной, развлекательной. Мне не хватает себя самого. Впрочем, сложностей с исполнением таких желаний не было, думал я всегда. Достаточно сделать запрос на Землю. Перед отправкой на станцию меня предупредили, что такие желания у меня обязательно возникнут, как бы я ни старался не думать об этом, причем со временем эти желания только усилятся. Странно, но я не хотел слышать нежный голос матери, твердые интонации в словах отца. Во мне почему-то острее всего чувствовалась именно нехватка того, что делало меня не просто живым, а даже животным, кем-то или чем-то, что является частью дикой природы. Наверное, это от того, что слишком безжизненная атмосфера окружала меня. Металл, пластик, композитные полимеры, прорезиненные поверхности – с некоторых пор ме-

ня стала угнетать эта неживая конструкция, безмолвный и бесчувственный мир вокруг меня.

Только оказавшись на станции, я понял, как трудно сделать тот самый запрос на Землю по двум причинам, первая из которых – это поставить в неудобное положение тех людей, которым предстоит принять решение об удовлетворении моего запроса либо об отказе в нем. Второй, и не менее важной причиной было то, что я и сам не знал, какие именно вещи помогут мне преодолеть невыносимую тяжесть бесконечного расстояния до родной планеты.

* * *

Темнота. Я вглядываюсь в нее пристально, пытаюсь угадать время суток, но все усилия тщетны. Вселенная как будто вне времени. Время во Вселенной – это совсем другая категория по сравнению со временем, делящимся на Земле. Мне предстоит еще это понять. Я привык к космической мгле и могу видеть звездные скопления невооруженным глазом. Эта мгла вместе с монотонностью повседневности давно угнетает меня. Я уже не тот восторженный адепт космоса, каким прибыл на станцию. Но все еще пытаюсь им быть.

Я сижу перед единственным окном, расположенным в неподвижной части станции. Как я называю его? По-разному: иллюминатор, успокаивающий разум; табло, прорезающее тьму; черный экран; окно размышлений. Могло бы по-

дойти любое сравнение и никакое не будет полностью точным. Общее в этих сравнениях только одно – единственная для меня визуальная связь с космосом, пока я нахожусь внутри станции. Он прямо передо мной. Вид из такого отдаленного места, как мой войд, сильно отличается от того, что любой наблюдатель ожидал бы увидеть. Никакой россыпи звезд или многоцветных пылевых облаков, ярчайших квазаров и прочих красивых космических панорам. В пределах моей видимости расположена туманность с размытыми границами, на вид небольшое скопление звезд. Это скопление образует нечто вроде пятерки белесых пятен на темном фоне космического пространства, которое доступно мне, если, конечно, будет уместен такой геометрическо-математический термин. Все, что мне остается, это наблюдать за ними. Я это делаю с первого дня пребывания на станции. Только так я могу хоть как-то отвлечься и скрасить свои бесконечные будни.

Эта туманность расположена справа от воображаемого центра иллюминатора и чуть смещена вверх, и если разделить наблюдаемое мной пространство условно на север-юг, восток-запад, то это скопление расположено где-то в районе северо-востока. Вообще-то туманность не отдельная звезда и даже не отдельная галактика, а пять гигантских скоплений галактик, каждое из которых состоит из нескольких десятков триллионов звезд. Войд настолько удален от других космических объектов, что только свет таких огромных скоплений, объединившись, и может донести до его единственного

обитателя хоть сколько-то активных фотонов, наблюдаемых человеческим зрением. Но мне проще представлять и воспринимать их в виде отдельных звезд. Каждая из этой пятерки интересна мне, у каждой свой размер и свое мерцание. Я различаю их по степени яркости и даже по цвету.

Пента – так назвал я эту пятерку звезд, являющихся в действительности их огромным скоплением. И у каждой из них есть свое имя. Они как будто разговаривают со мной. Конечно, их язык не похож на мой и не имеет ничего общего с Алгином, сконструированным на основе Алгола – одного из первых на заре компьютерной эры, или Паскуэля, выросшего из коротких штанишек Паскаля. У звезд свой язык – язык света. По яркости его излучения и видимости я определяю скорость, с какой свет каждой из звезд достигает моей станции.

Кажется, что они всегда светят ровно с одной и той же силой, за исключением одной – самой игривой. Свет этих звезд завораживает мой дремавший до определенного времени инстинкт познания, но однажды разбуженный, а затем и усиленный напутствиями моих наставников, посылает мне сигналы напрямую в мозг и диктует, что мои наблюдения не должны быть простым созерцанием, наоборот, я должен оставаться ученым, в качестве которого и прибыл на эту станцию. И я машинально фиксирую свое взаимодействие с друзьями – пятеркой светлячков. И хотя их постоянный свет мешает мне определять время суток, ведь человеческие

биоритмы работают и здесь, и мне необходимо подстраивать свой организм, чтобы не уйти навсегда раньше времени в космос, я не обижаюсь на них.

Время суток я определяю по тому, как приходят пакеты сигналов с Земли. Большие паузы означают, что на Земле закончился очередной рабочий цикл. И хотя передающая станция вполне способна работать автономно, я знаю, когда включается этот автоматический режим, и в мои обязанности входит все-таки контролировать его работу, а некоторые действия обязательно выполнять в ручном режиме. В автоматическом режиме нет ошибок оператора. Автоматика не знает сбоев. А еще программа не в состоянии мыслить. Когда-то профессор космологии читал нам лекцию, в ней прозвучала фраза: «мыслить – значит ошибаться». Только так можно отличить машину от человека.

Выполнив задачи по формированию и отправке данных, я возвращаюсь к своим друзьям-звездам.

Роза – самая яркая в пятерке, она похожа на этот яркий цветок, пусть и с неровными краями. Расположена в самом центре Пенты так, что остальная четверка образует почти правильный квадрат. Может быть, именно поэтому Пента так интересна мне – иногда я представляю, что это искусственно созданный визуальный объект, чтобы не оставлять оператора станции один на один с абсолютной чернотой космоса. Я аккуратно записываю все, что она мне посылает.

Мак. Этот объект в верхнем левом углу я назвал по име-

ни ученого из Ирландии, в свое время открывшего закон Макларена, который определил закономерности начальных условий подпространственного перехода при перемещении объектов на огромные расстояния. Эта звезда самая крупная, она будто бы охраняет всю пятерку от нежелательного вторжения.

В нижнем левом углу натянулся тетивой средний по размерам объект. Я так и назвал его – Синус, поскольку похож на небольшую дугу. Разумеется, это только видимая часть, но из-за того, что часть Синуса скрыта какой-то туманностью или другим массивным объектом, наружу как бы выступает только та самая дуга-тетива. Потому и Синус. Осторожный, не хочет показывать, что у него за спиной.

В двух правых углах, верхнем и нижнем – братья-близнецы. Две почти одинаковые по размеру и почти одинаковые по яркости звезды. Я назвал их Сикст и Секст. Так себе названия, но я не стал долго мудрствовать. Это первое, что пришло мне в голову. Пусть такими и останутся. Они и впрямь братья. Мне кажется, что они периодически пытаются сблизиться, но в какой-то момент вновь возвращаются на свои места.

Вот так я заполняю свободное время, которого у меня, повторю, довольно много по меркам Земли. Кому-то это может показаться неким развлечением, но только не для меня. Тот самый разбуженный инстинкт познания не дает мне времени на простые созерцания космических далей. Мой мозг ра-

ботаает в штатном режиме даже в часы моего сна. Во сне я мысленно продолжаю решать повседневные задачи по обеспечению жизнедеятельности удаленных колоний.

Иногда я занимаю себя беседами с бортовым ИИ, которому я дал имя Кентавр. Станция изначально была оснащена им – еще на стадии сборки, когда к месту назначения были направлены сборочные боты и модули будущей станции, в числе первых в войд был отправлен и модуль с искусственным интеллектом. Под его руководством и производилась почти вся сборка станции, за исключением доводки внутренних помещений. Работа по доводке станции легла на первого оператора. Пионером станции значился смельчак по имени (а может, это была фамилия – я этого никогда не узнаю) Бонно, первым отправившийся в вечность. Упущение бортового ИИ: ему важно было собрать дом, в котором он будет жить. Похоже, оператор совсем не интересовал его.

Теоретически, встроенный в станцию ИИ мог бы справиться и с функцией оператора, которую выполняю я, но пока этого ему не доверили. Даже оценка физического состояния оператора и отправка этих сведений на Землю не входила в его функционал.

Среди курсантов, проходивших подготовку в качестве операторов станций, ходили слухи, что это было связано с тем, что ИИ не очень хорошо себя проявил при лабораторных испытаниях, имитировавших его долгую работу в отдаленном войде. Говорили, что ИИ при таких данных вел себя

не совсем адекватно или, если попросту, немного сходил с ума. Точный ответ на этот вопрос тщательно скрывался ото всех директором доктрины, и на то имелись веские основания, с чем соглашались почти все участники программы, так как здесь были совсем неуместны диспуты и демократия – это был вопрос исключительной компетенции узких специалистов.

И хотя стационарный ИИ, мой верный помощник и редкий собеседник Кентавр, никогда полностью не отключался от сети станции, поскольку оценка критических параметров оборудования станции замыкалась на него, однако был жестко запрограммирован на деятельность, связанную только с энергообеспечением, поддержкой жизнеобеспечения и нештатными ситуациями на станции.

Еще оператору позволялось развлекать себя разговорами с ИИ, а тот, в свою очередь, мог участвовать в диалогах с оператором только по его запросу. Ну, то есть Кентавр не мог обратиться ко мне первым, если на то не было технической необходимости – таково главное условие коммуникации оператора бортового ИИ. Его создатели руководствовались главным принципом любой коммуникации – один ведущий, другой ведомый. В противном случае ИИ с легкостью бы пустился во все тяжкие, и тогда о спокойной жизни без поучений, назиданий и постоянного контроля и слежки за мной можно было бы забыть. Так мне объяснили инженеры, отцы-создатели ИИ. Они уверили меня, что про-

граммировать искусственный разум надо так, чтобы у ИИ даже мысли (вот ведь как звучит – мысль у ИИ) не возникло не выполнить команду. Этакое домашнее электронно-цифровое животное. Исключение составляли случаи критической неисправности оборудования. Именно так запрограммирована собака – полное подчинение человеку. Условные рефлексy – служение, помощь, спасение. Как и собака, ИИ полностью сосредоточен на мне. Что ж, хотя бы кто-то не будет мне критиком.

Впрочем, даже если бы ИИ и вздумал взбунтоваться и захотел бы выйти за рамки дозволенно-заданного, конкуренцию с моим мозгом ему ни за что не выиграть. Тут я ничего поделаться не могу. Кто сконструировал человеческий мозг – Бог или другой какой-то еще более высший разум, ответа мне никогда не узнать. Да и есть в этом смысл – разгадать тайны мозга? Я давно свыкся с тем, что человеческий мозг может все: и смотивировать на подвиг, и подставить его хозяина под удар, и гаденько и равнодушно заставить пройти мимо подлости, простить трусость или предательство. Ну а уж наставлениями-назиданиями мой мозг был нашпигован под завязку. Словом, в моей голове был интеллект, покруче бортового ИИ, а функции «ведущий» – «ведомый» у него переплетались так, что и не разделить. Над этими особенностями мозга я не задумывался до прибытия на станцию. Моя жизнь на Земле не располагала к тому, чтобы размышлять о том, что собой представляет мой собственный мозг. В со-

циуме таким рефлексиям подвержены те, кто отдал себя во власть творчества и науки. Я не относил себя ни к тем, ни к другим. Я всего лишь доброволец, и творчества на станции нет. Принимать и отправлять пакеты с информацией из колоний и уже сформированной телеметрией станции – не божесть какая трудная задача. Здесь, на станции, такие мысли, как оказалось, обострены. И вот тут мой мозг, похоже, дал себе вольную. Мне оставалось только выслушивать его. Я понял, что у одиночества есть один главный закон – обязательная коммуникация с собственным мозгом.

«Тебе мало той части времени, когда ты бодр, для реализации себя? Если тебе не хватает этого времени, я переключу тебя в другой режим, и тогда весь тот биологический ритм, который запрограммирован как переменные день-ночь, перестанет посылать сигналы мне, чтобы ты принял решение отключить меня на сон. Ты слишком увлекся, и скоро станешь одним из них – тех, кто ушел в вечность, а вверенная тебе станция может остаться без оператора раньше времени. На Земле не успеют среагировать на твой преждевременный уход. В твоей работе нуждаются те, кто не имеет никакой возможности самостоятельно получить то, что необходимо. Оставь свои забавы с Пентой. Тебе никогда не связаться с ней, не дотянуться до нее и не разгадать. Там слишком много загадок».

Такие монологи мой мозг ведет со мной, он увещевает меня и как будто предостерегает от чего-то. Обычно он это

делает уже в конце того режима, называемого сном, под самое... чуть было не назвал это утром. Потому что ни утра, ни вечера, ни дня, ни ночи в пространстве, в котором нахожусь я вместе со своей станцией, нет. Но отказаться от созерцания этих звезд я уже не могу. Я не знаю, что меня так завораживает в них. Я провожу все больше и больше времени перед окном, иногда даже засыпаю прямо перед ним. Просыпаясь, я всегда чувствую себя разбитым, хотя эта часть станции всегда находится в состоянии невесомости и любая позиция, в которой ты засыпаешь, не может доставить тебе дискомфорта. Будто излучение этих галактик что-то убивает в моем теле. Без сил я бреду до своего спального места. Может быть, мозг прав и мне не следует столько времени проводить у окна?

Моя задача на станции почти не носит характера мыслительной деятельности, так что ошибиться я не могу. Конечные пункты получения – колонии – давно перестали самостоятельно связываться с Землей напрямую, потому что расстояния между ними велики настолько, что, сохранись такая связь, она отнимала бы огромное количество энергии и все равно информационные пакеты, передаваемые от Земли колониям и обратно, зачастую доставлялись бы неточно. Мало того, Земля и ее колонии постоянно находились в движении, удаляясь друг от друга на огромные расстояния в процессе общего расширения Вселенной, летя на огромных скоростях в разных плоскостях в направлении разных ее

областей. Поэтому в ходе реализации доктрины была определена необходимость установить на примерно одинаковом расстоянии от Земли и колоний нескольких промежуточных станций на максимально возможном удалении, для которых перемещения Земли и колоний не были бы столь же слабо определяемы относительно общих параметров Вселенной, – как бы сторонних наблюдателей, определяющих координаты всех объектов. На одной из этих восьми станций я и нахожусь.

Мои обязанности простые: прием сигнала, его корректировка, систематизация и отправка дальше в колонии и в обратном направлении – все, что от меня требуется. Это моя работа. На этой станции я уже пять лет, и я никогда не вернусь на Землю. Это мой выбор.

Информация по маршруту «Земля – станции – колонии» перемещалась не в чистом виде. Она записывалась на носитель размером с человеческий ноготь и массой менее одного грамма с единственной функцией передачи данных на сравнительно небольшое расстояние – порядка ста километров. Отправленный с Земли носитель прибывал в район расположения моей станции, передавал записанную на него информацию, оборудование станции записывало эту информацию на такой же носитель и потом, с помощью смонтированного на станции микроколлайдера, направляло уже колониям. Обратный путь осуществлялся подобным же образом. Коллайдеры на станциях и в колониях настолько маломощные

по сравнению с земным, что способны только на отправку микроскопических материальных объектов. Любое увеличение их мощности привело бы и к увеличению расхода энергии, требовало бы больших площадей для размещения оборудования. И если в колониях со свободным пространством для помещений проблем не было, то на станции вопрос объема доступного пространства обойти сложнее, чем даже вопрос с энергией.

За эти годы я настолько свыкся с тем, что доктрина перестала быть новацией, а все мои усилия свелись к механическому выполнению определенных функций, что я стал воспринимать себя как часть доктрины, как составную часть программы по реформатированию системы. Я как программа, я – машина. Мой интерес поддерживается исключительно потому, что я все еще не знаю, что мне предстоит.

Я вглядываюсь в космическую пустоту. Я знаю, что когда-то это произойдет – об этом говорит земная наука последних двухсот лет. Вопрос лишь во времени. Я пытаюсь уловить хотя бы мельчайшие признаки по тому, как меняют свой свет звезды, по едва уловимому шороху космической пыли, по своим внутренним ощущениям, наконец. Я предполагал, что это может произойти во время моей жизни, но по-настоящему никогда в это не верил. Ну, а если и произойдет, что с того? Конец, каким бы он ни был, обязателен для любой жизни, если есть ее начало.

– Вы должны будете отказаться от всех своих инстинктов,

за исключением одного. Познание для ученого – деятельность, которой необходимо посвятить жизнь, а если надо, то и отдать ее. Это единственный инстинкт, который вы можете оставить как стимул для выживания, все остальные для ученого должны стать рудиментами и отмереть в момент принятия решения, которое каждый из вас должен принять. Процессу познания вы должны подчинить всего себя – свой мозг, свой разум и тело, всю свою жизненную энергию – нервную и психическую, без остатка.

Тогда в словах Лода я увидел скорее пафос, чем попытки убедить нас. На самом деле нас не надо было убеждать. Мы – команда профессионалов из восьми человек, будущих обитателей восьми станций, были убеждены и без Лода. Наш выбор был осознанным.

* * *

– Я Нельсон, прием. Делаю запрос.

– Привет, дружище. Не заскучал в одиночестве? – голос Бэла звучит всегда бодро и звеняще, отдавая эхом в помещении станции. – Я слушаю тебя.

– Меня интересует звездное скопление в северо-восточном секторе...

Я называю ему координаты.

– Что ты можешь сказать о нем?

– Должен огорчить тебя, Алан. С Земли мы его почти не

видим. А почему ты интересуешься им?

– Не знаю, но, по-моему, оно странно себя ведет. С некоторых пор я наблюдаю определенные изменения, которые наталкивают меня на мысль... Помнишь ту лекцию, когда мы чуть не передрались между собой?

– Ты имеешь в виду ту самую лекцию, когда ты обвинил меня в полном непонимании законов Вселенной? Но мы тогда были слишком юны, чтобы что-то понимать вообще.

– Я имею в виду то, о чем сказал профессор Колин.

– О'кей, Нельсон. Я помню. Но это произойдет нескоро. Тебе не о чем беспокоиться. Твое странное скопление вводит тебя в заблуждение. Скорее всего, ты просто устал. Смени режим мозга. Тебе надо переключиться.

– Похоже ты прав, Бэл.

Вот так я веду диалог с Бэлом. Я начинаю как обычно, когда у меня накапливаются вопросы, на которые я не могу найти ответ. За все годы обучения Бэл так и не смог понять меня. Или сделал вид, что не понял. Он провалил тестирование и всячески пытался поставить под сомнение мое решение отправиться на станцию. Он будто показывал всем своим скепсисом, что мое решение стать оператором чистая блажь.

Мы скрещивали словесные шпаги, иногда обращаясь к постороннему мнению на предмет, чья позиция убедительней, и не отступая ни на йоту каждый от собственного суждения.

– Материальный мир затратен, – утверждал Бэл, – материя

нуждается в постоянном воспроизводстве.

– Материя бесконечна, она возобновляется за счет собственной внутренней энергии и не нуждается в подпитке извне, а только лишь трансформируется в какие-то иные формы, – возражал ему я.

Он замолкал, а затем подводил черту:

– Ну что ж, так уточняются теории и корректируются идеи в сторону того, кто оказывается прав, – глубокомысленно говорил Бэл.

Я усмехался такой «глубокомысленности», считая это простой неуступчивостью. Как будто существование материи обусловлено моей правотой или его. Безусловно, меня интересует что-то, что не касается непосредственно моей работы на станции, но никаких вольностей я позволить не могу. Похоже, в чем-то Бэл был прав. Энергии моей станции достаточно лишь для приема-передачи текстово-информационных пакетов, но не для личных разговоров и споров, тем более незаконченных. Незаконченные споры не менее затратны, чем содержание самой станции. И хотя для меня совершенно очевидно, что спор с Бэлом не просто спор, а противостояние, я не буду тратить на него энергию.

Помимо общения с Пентой я занимаю себя, конечно, и общением с космосом. Что я имею в виду? Чтобы сгладить унылость космических будней, серость внутреннего пространства станции, какой бы она технологичной ни была, я периодически выхожу за ее пределы. Это является и одной

из моих обязанностей. Каждые десять дней я проверяю работоспособность и целостность атомных генераторов, которые питают электричеством все системы станции. Генераторов два: основной, который работает еще с тех пор, когда на станцию прибыл первый ее обитатель-оператор, то есть уже более семидесяти лет, и запасной, постоянно работающий на холостом ходу и только поддерживающий рабочую температуру внутри себя.

Скафандр, который столь легок, что я его называю костюмом, надевается с закрытыми глазами – настолько хорошо продуман он создателями и настолько часто я тренируюсь в его надевании. Проход в шлюзовой отсек, выравнивание давления в шлюзе с давлением снаружи, а точнее, с его полным отсутствием, занимает около трех минут. Эта процедура задумана и происходит с минимальными потерями газов атмосферы станции путем выкачивания воздуха из шлюза внутрь станции, а не выпускания их в космос, что было бы крайне расточительно и требовало бы регулярного пополнения компонентов атмосферы поставками с Земли.

Пока идут приготовления к выходу и наружный люк шлюза не открыт, я еще раз проверяю крепление механизма страховочного троса к скафандру. Трос хотя и тонкий, но очень прочный. Его десятикилометровая длина занимает в механизме место, сопоставимое с размером, необходимым для литра воды.

Закрепляю замок троса на скобе около крепления наруж-

ной створки шлюза и ожидаю окончания процедуры выравнивания давления. Так как шлюзовой отсек расположен в неподвижном цилиндре станции, в ее стволе, здесь царит полная невесомость, поэтому в шлюзе должно остаться как можно меньше атомов атмосферы, чтобы меня не выбросило вместе с ее остатками наружу.

Наконец все *подготовительные процедуры* закончены, раздается контрольный звуковой и световой сигнал в шлеме скафандра, я еще раз проверяю параметры давления внутри шлюза и сдвигаю большую рукоятку открытия наружной створки шлюза. И вот я снова готов к выходу в бесконечность.

В такие «походы» мой скафандр заправляется всем необходимым по максимуму – его автономность при полном возможном комплекте кассет очистки воздуха и двух заряженных под завязку аккумуляторов (воздух и электричество в скафандре обязательные компоненты жизнедеятельности) – составляет без малого двадцать четыре часа. Я никогда не находился снаружи станции столь долго, это было категорически запрещено регламентом, но запас еще никогда и никому не повредил.

Итак, я снаружи. Каждый выход за пределы моего обитаемого, комфортного уголка начинается с секунд трепета и благоговения перед необъятной бездной. Если я отцеплю страховочный трос, сильнее оттолкнусь от корпуса станции, то мое тело теоретически может двигаться в космосе беско-

нечно – многие миллиарды световых лет. До соприкосновения с каким-то другим материальным объектом может пройти даже большее количество времени, чем самые оптимистичные прогнозы по времени рождения самой Вселенной – тридцать пять миллиардов лет по последним расчетам. Я могу пролететь с одного конца Вселенной до ее другого конца – пусть все ученые твердят о том, что у Вселенной нет ни начала, ни конца, ни середины – даже с учетом ее постоянного расширения со всевозрастающей скоростью. Вздумай я проделать это, я могу смело рассчитывать, что на моем пути не возникнет никакой преграды, учитывая ничтожные размеры моего тела относительно размеров того пространства, которое окружает меня. Вот такие мысли приходят в голову каждый мой выход и без исключений. К этому невозможно привыкнуть. По крайней мере, для меня. И мне всегда было интересно: а посещали ли подобные мысли моих предшественников или посещают ли они прямо сейчас операторов других станций?

Генераторы закреплены к неподвижному стволу станции на расстоянии пяти километров. Один генератор в одной стороне, другой – в противоположной. Итого, между двумя генераторами расстояние по прямой составляет десять километров. Пять километров до одного генератора, потом десять до другого и пять километров обратного пути до станции. Всего мне необходимо преодолеть в открытом космосе двадцать километров. Генераторы крепятся к станции по-

лужестким способом – карбонометаллическим тросом, способным растягиваться и скручиваться в экстренных случаях. Вдоль основного троса идут два питающих кабеля, по которым на станцию передается вырабатываемое генератором электричество, и страховочный фал, к которому я тоже обязан прикрепиться, помимо страховочного троса, соединенного непосредственно со станцией. Космос не терпит легкомысленного отношения к себе и не терпит простых, не дублированных решений. Эта банальная истина известна каждому, кто имеет отношение к этой сфере, еще со времен первопроходцев, со времен их простейших орбитальных полетов.

Автономности скафандра хватит для того, чтобы переместиться к генераторам и обратно лишь за счет силы рук, если перебирать ими вдоль страховочного фала генераторов, но так делать, согласно инструкции, можно только в экстренных случаях. Создавать сочленения скафандра вечными еще не научились, и велика вероятность того, что в какой-то момент в ходе передвижения вдоль страховочного фала произойдет повреждение рукава, а это всегда разгерметизация и фатальный исход для оператора. Поэтому перемещение осуществляется за счет двигателей скафандра. Двигатели – слишком преувеличенное название механизма, выполняющего функцию перемещения. На самом деле здесь смонтированы две небольшие емкости с газовой смесью, которая в небольших количествах выпускается наружу при помощи простейших

клапанов. Как и большинство своих изобретений, инженеры подсмотрели идею у морских животных. Природа – неисчерпаемый банк данных для инженерных решений. Кальмары передвигаются в морской толще, абсолютно не задумываясь о наличии у них нужных патентов. Как и кальмарам, космонавту вполне достаточно отталкивающей силы газовых двигателей, чтобы задать своему телу, облаченному в скафандр, необходимую скорость, достаточную для перемещения к требуемому объекту – генераторам, контейнерам с посылками с Земли, облету корпуса станции при осмотре обшивки и других нужд.

Задав небольшой импульс, я расслабляюсь и только лишь наблюдаю за взаимодействием короткого страховочного фала скафандра и страховочного фала генератора – чтобы они не переплелись друг с другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.